

2.2. Потенциальная политическая нестабильность как объект моделирования (на примере республик Центральной Азии)

Е. А. Иванов, Л. М. Исаев

2.2.1. Теоретико-методологические основания исследования

Концептуализация основных используемых понятий

В работе используется набор понятий, которые необходимо уточнить и привести к единому толкованию, а некоторые просто пояснить, принимая во внимание контекст всего исследования.

Центральная Азия. В том или ином виде все пять центральноазиатских республик входили в состав Российской империи под названием «Туркестан», которое с приходом советской власти было заменено на словосочетание «Средняя Азия». Термин «Центральная Азия» использовался для обозначения физико-географического района, включавшего помимо пяти советских республик территории Китая, Монголии, Афганистана и Индии. Такая трактовка применяется ЮНЕСКО и сегодня. В советской системе экономического районирования существовало понятие «Средняя Азия и Казахстан», поскольку Казахстан выделялся в отдельный экономический район. С распадом СССР на первое место вышел геополитический аспект и благодаря политической воле президента независимого Казахстана Н. А. Назарбаева в 1992 г. в политический лексикон был введен термин «Центральная Азия», объединявший все пять постсоветских республик (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан). Поскольку данное исследование является политологическим, то вернее будет использовать именно современный политизированный назарбаевский вариант наименования региона – «Центральная Азия».

Политический режим. Одним из ключевых в данной работе является понятие «политический режим». Несмотря на то что центральноазиатские режимы во многом имеют схожие характеристики, тем не менее все эти режимы различны и занимают широкий спектр: от движущейся к демократии Киргизии до пребывающей в жестком авторитаризме Туркмении.

Принято считать, что свои истоки понятие «политический режим» в европейской политической мысли берет в Античности. Уже в типологии государств, введенной Аристотелем, можно увидеть первые попытки описать политический режим в его различных проявлениях. Хотя идеи Аристо-

теля основаны на анализе 158 политий античности, они не подходят для точного и полного описания нынешних государств-наций и их режимов.

Говоря о первых современных определениях политического режима, исследователи ссылаются на формулировку, данную французским ученым М. Дюверже, который вывел политический режим в плоскость партийной системы и системы принятия решений различными группами давления [Дюверже 2000: 428]. Именно определение Дюверже является конвенциональным в европейской политической науке, при описании политического режима исследователи отталкиваются от формулировки, предложенной французским ученым.

Той же линии, что и М. Дюверже, придерживается Ж.-Л. Кермонн, расширивший определение, данное Дюверже. Кермонн видит в политическом режиме «способ формирования политической власти» [Quermonne 1986]. Такое определение позиционирует политический режим как процедуру. При этом Ж.-Л. Кермонн вводит важные добавления. Он считает, что власть должна формироваться лишь «на определенный период времени» [*Ibid.*]. Все это возвращает к шумпетеровской процедурной трактовке демократии. Дюверже и Кермонн тесно связывают понятие режима с демократическим устройством общественно-политической жизни. Хотя Дюверже оставляет пространство для недемократических характеристик в своей трактовке политического режима, поскольку подразумевает, что центр принятия решений может быть монополизирован, а не плюралистичен, так же как может быть унифицирован способ принятия решений [Дюверже 2000], что несвойственно для демократий, отличающихся множественными каналами для проведения политических решений.

Стоит добавить, что одним из новшеств Ж.-Л. Кермонна при определении политического режима является его формулировка «совокупность элементов» [Quermonne 1986]. Это один из шагов к сближению трактовки политического режима как политической системы в европейской и в целом западной политической науке. Такое соотнесение может ввести терминологическую путаницу, поэтому в данной работе понятия «политический режим» и «политическая система» будут разграничены.

Например, американский политолог Р. Макридис, оставаясь в рамках системного подхода, несколько дистанцирует понятие политического режима от понятия политической системы; по его мнению, политический режим означает «специфические способы и средства структурирования функций политической системы и встраивания этих функций в институты и процедуры» [Macridis 1986: 3]. Из этого определения можно выделить два важных свойства. Во-первых, режимы специфичны, что расширяет объем описываемых политий до максимально возможного, поскольку каждый режим в чем-то специфичен. Во-вторых, режим задает определенный порядок функционирования всей политической системы, прежде всего за счет формирования институциональной структуры. Это намечает

значимый переход к выделению институциональных рамок политического режима.

В терминах институционализма дано определение, выведенное Ф. Шмиттером и Г. О'Доннеллом. Они описывают политический режим как «совокупность структур, явных или скрытых, которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики деятелей, которые считаются для этих структур подходящими или неподходящими, используемые ими ресурсы и стратегии в целях получения желаемого назначения» [O'Donnell, Schmitter 1986: 73]. Стоит обратить внимание на то, что Шмиттер и О'Доннелл принимают как «явные», так и «скрытые» структуры, что дает основание предположить возможность существования неформальных институтов в построении политического режима. Также авторы вводят личностный компонент в определении политического режима. «Характеристики деятелей» (политических прежде всего) важны больше для описания авторитарных политий, чем основанных на четком функционировании институтов демократий. Тем самым коллектив авторов открывает новую грань в описании политических режимов через персонифицированные воплощения этих режимов, что особенно важно при изучении авторитарных государств.

Значение формальных институтов и их реализацию на практике ставил в приоритет польский политолог Е. Вятр, представлявший политический режим как «систему конституционных (законных) порядков и конкретное воплощение этой системы на практике» [Вятр 1991: 50–55]. Хотя в данном определении прослеживается распространенное соотношение политического режима и политической системы, в российской политологии эти понятия обычно разводятся, а под режимом понимается состояние политической системы в отдельно взятом временном отрезке. То есть политическая система в разное время может существовать в виде нескольких режимов, которые могут быть непохожими друг на друга.

В связи с такой трактовкой политического режима в отечественной политической науке в российской политологии распространено определение, данное М. В. Ильиным: «Режим есть совокупность властных структур, которые в значительной степени контролируют или задают способы функционирования и воспроизводства политического сообщества» [Ильин 1993: 57–58]. Это определение во многом близко к определению, данному Р. Макридисом, и частично отсылает к Ф. Шмиттеру и Г. О'Доннеллу, но с важным дополнением. Ильин пишет, что режим задает «способы воспроизводства политического сообщества». Если французские ученые М. Дюверже и Ж.-Л. Кермонн подразумевали свойственную развитым демократиям частичную смену элементов режима с сохранением всей политической системы, то Ильин показывает, что режим может сам задавать пределы самовоспроизводства, тем самым становясь новой политической

системой с деформацией или разрушением прежней системы, частью которой этот режим являлся.

Говоря о государствах Центральной Азии, исследователи сталкиваются именно с такой ситуацией слома или дисфункции политической системы, заданной конституционным дизайном, и ее замещением новой системой, строящейся под текущие потребности действующего политического режима.

Попытку учесть максимальное число признаков концепта «политический режим» без размывания содержания данного понятия предпринял профессор Орхусского университета С.-Э. Скаанинг (Svend-Erik Skaaning) в своей работе «Политические режимы и их изменения. Концептуальные рамки» [Skaaning 2006]. Профессор Скаанинг изучил несколько актуальных определений политического режима (см. Табл. 2.2.1), используемых в западной политической науке. Некоторые из этих определений уже стали классическими.

Из Табл. 2.2.1 видно, что не все определения включают полный набор характеристик. Тем не менее первые два параметра присутствуют практически во всех определениях, являясь минималистским ядром концепта «политический режим».

Табл. 2.2.1. Сводная таблица характеристик определений понятия «политический режим»

	Доступ к власти	Вертикальные пределы власти	Горизонтальные пределы власти	Характеристика правителя(-лей)
Кардозо	×	×	×	
Колье и Колье	×	×		
Фишман		×		×
Лоусон	×	×	×	
Макридис	×	×	×	
Меркель	×	×	×	(×)
Манк	×	(×)	×	×
О'Донелл и Шмиттер	×		(×)	×
Плассе и др.	×	×	×	
Шмиттер и Карл	×	(×)	×	×
<i>Примечание:</i> Знак «×» означает, что определение режима включает указанные характеристики. Знак «(×)» в скобках указывает на отсутствие ясности				

Источник: Skaaning 2006.

Характеристика «доступ к власти», по Скаанингу, означает право быть избранным, право участвовать в политике, то есть активные права граждан в политической сфере.

Под «**вертикальным разграничением**» Скаанинг описывает возможность граждан влиять на реализуемую политику и контролировать распределение должностных позиций в политическом истеблишменте, то есть выбирать. Данная характеристика именуется пассивным правом, но, тем не менее, требует активного вовлечения в политический процесс, если речь идет о демократическом государстве.

Таким образом, основу понятия «политический режим» составляет функция воспроизводства самого режима путем предоставления доступа к власти и контроля за распределением позиций во властных структурах, что соотносится с определением М. В. Ильина, поскольку удовлетворяет требованиям обеспечения функционирования и воспроизводства политического сообщества.

Под «**горизонтальным разграничением**» Скаанинг понимает прежде всего разделение властей на исполнительную, законодательную и судебную.

С. Э. Скаанинг отмечает, что четвертая характеристика проводит грань между правлением народом и управлением народом (“rule of the people vs rule by the people”) [Skaaning 2006: 14]. Интересен тот факт, что данная характеристика была добавлена в определения позже остальных, представленных в таблице. Последние две характеристики расходятся с устройством рассматриваемых в данной работе политических режимов, поэтому видится верным ограничиться базовой минималистской трактовкой.

В данной работе под политическим режимом будет пониматься та трактовка, которую дал М. В. Ильин, поскольку она наиболее релевантна для русскоязычного политологического сообщества, а также полно и емко отражает все необходимые характеристики определяемого понятия.

Устойчивость политического режима. В данной работе политический режим изначально был определен как дискретная характеристика динамической политической системы. Кроме того, в определение политического режима, предложенного М. В. Ильиным, включены системные характеристики, следует разграничить еще два понятия: «устойчивость» и «стабильность».

Под **стабильностью** принято понимать «способность системы сохранять динамическое равновесие в долгосрочном периоде» [Аверьянов 1993: 281]. Именно временная характеристика «долгосрочности» отличает «стабильность» от «устойчивости». Поскольку система – это динамическое образование, способное существовать в виде множества различных режимов в течение долгосрочного периода, стабильность является свойством именно системы в целом, а устойчивость – это характеристика краткосрочного или дискретного характера (в случае однократного воз-

действия на систему), то устойчивость и является режимной характеристикой. Стоит отметить, что в англоязычном академическом лексиконе эти понятия разведены: стабильность переводится как “stability”, а устойчивость – “sustainability”.

Что касается определения собственно **устойчивости** как кратковременной стабильности, то в данной работе будет использовано определение, данное В. К. Петровым и С. Г. Селивановым. По их мнению, «устойчивость» – это «способность эффективно мобилизовать свои ресурсы на поддержание равновесия или целенаправленного движения при возникновении внешних и внутренних возмущающих воздействий» [Петров 2005].

Рассмотрим теперь, какие интерпретации параметра устойчивости предлагают политические исследователи, специализирующиеся на режимных трансформациях и изучении демократических и недемократических политических систем.

Американский политический исследователь К. Реммер (K. L. Remmer) из Университета Нью-Мексико оспаривает экономическую стабильность как залог успеха для демократических государств. На опыте стран Южной Америки К. Реммер показывает, что хотя экономическая эффективность демонстрирует силу именно демократического устройства и раскрывает слабости авторитарных режимов перед экономическими вызовами, все же основным инструментом, обеспечивающим стабильное функционирование политического режима, являются конкурентные выборы. Именно конкурентные выборы на основе публичного общего волеизъявления задают возможности для изменений политической системы и ее адаптации к измененной среде. Эмпирические данные по Латинской Америке помогли К. Реммер понять, что устойчивость демократических систем значительно снижалась, если ввиду ограничения электоральной конкуренции шансы оппозиции на победу снижались. Но самым главным фактором устойчивости политических систем, который удалось вывести Реммер, стала возможность для избираемых политических лидеров и для голосующих граждан участвовать в управлении страной посредством институционализированных правил игры в политике, а не посредством применения насилия [Remmer 1996]. Вероятность применения насилия в целях реализации какого-то политического курса в демократиях ожидаемо мала. И хотя авторитарные режимы имеют ряд качеств, позволяющих реализовывать политику без вовлечения в нее широких масс населения, такие режимы менее адаптивны к изменчивой среде. В условиях перемен для авторитарных режимов наступает более существенный сбой, чем для демократий, что часто требует силового решения вопроса. Исходя из вышесказанного, можно вывести, что неустойчивость изначально заложена в авторитарных системах на институциональном уровне. Ведь для устойчивости системы необходимы конкурентные публичные выборы. Но если в системе суще-

ствуется процедура таких выборов и она институционализована, то такая система выпадает из числа авторитарных и перемещается в поле демократических систем. При таком подходе авторитарные режимы обречены на дестабилизацию и распад, а в данном исследовании предполагается, что авторитарные режимы также способны быть устойчивыми, причем в условиях значительных внешних деструктивных воздействий.

Схожей с К. Реммер линии, но в несколько другой сфере, придерживается российский политический эксперт Ю. А. Нисневич, который описал информационно-коммуникационную модель стабилизации политической системы [Нисневич 2006]. Основным залогом устойчивости политической системы, по Нисневичу, является способность системы принимать во внимание мнения максимально большого числа частных групп. Для этого необходим постоянный и открытый диалог между теми, кто осуществляет властные полномочия, и всеми частными группами, а для этого, в свою очередь, необходимо наличие настоящей публичной политики. Из плюрализма групп интересов можно понять, что Ю. А. Нисневич имеет в виду демократические политические системы, что по умолчанию оставляет за скобками недемократические системы, которые не могут реализовывать полноценную публичную политику в демократическом ключе. Поэтому, согласно автору, политических систем без публичной политики нет. То есть автократии – это либо значительно деформированные политические системы, либо не системы, а иная форма политической организации, поскольку система без обратной связи в виде публичных каналов коммуникации не существует. Такой подход отсеивает недемократические государства из выборки политических систем, что не подходит для данной работы, где большинство государств в выборке недемократические.

В то же время И. В. Кудряшова, говоря об устойчивых недемократических режимах Арабского мира, использует категории системного подхода (то есть признает недемократические государства как политические системы). Она считает, что такие государства жизнеспособны до тех пор, пока обладают достаточным объемом ресурсов для адаптации к меняющейся среде и ее новым требованиям или пока не случатся институциональные дисфункции [Кудряшова 2012: 154]. Последнее также указывает на то, что недемократические режимы имеют свое, отличное от демократического, но тем не менее рабочее, функционирующее институциональное устройство.

Таким образом, в политической науке возник запрос на новые объяснительные модели устойчивости недемократических политических режимов. Российский политический исследователь А. Ю. Мельвиль на этот счет пишет, что, например, посткоммунистические государства перешли к тем своим состояниям, до которых они могли трансформироваться при имевшихся стартовых условиях с учетом внешней среды, в которой эта

трансформация проходила. В таких государствах существует работающая и выстроенная система власти, способная самовоспроизводиться (важное качество для жизнеспособной системы и для системы вообще). При этом оппозиция либо выведена за рамки политического процесса, либо имеет крайне мало влияния. Электоральные процессы строго контролируются, поэтому говорить об открытой конкуренции даже между внутриэлитными группами не приходится [Мельвиль 2004: 70]. Такое положение дел опровергает выводы К. Реммер, использовавшей эмпирические данные XX в., а также аргументы Ю. А. Нисневича, поскольку в описанных системах нет ни гражданского общества, ни публичной открытой политики. В современных условиях можно говорить о том, что существуют недемократические политические системы, способные отвечать на внешние воздействия среды и оставаться устойчивыми.

Под фактором устойчивости политического режима в данном исследовании понимается внутрисистемный (внутрирежимный) элемент или условие внешней среды, определяющее состояние системы и задающее траектории существования системы, отличные от тех траекторий, по которым она могла бы развиваться в отсутствие такого внутрисистемного (внутрирежимного) элемента или внешнего условия среды.

Революция/социальная революция. Последняя из основных, но не менее важная категория, требующая концептуализации в данной работе, – это понятие революции. Долгое время в советской российской политологии доминировали определения революции, заданные в марксистской парадигме прежде всего В. И. Лениным [Шульц 2014: 67]. В той интерпретации революция сводилась к свержению правящего класса и ликвидации общественно-политического строя, сформировавшегося в период правления прежней элиты. Революция осуществлялась представителями ранее угнетаемых классов, составлявших большинство населения. В основе конфликта лежали экономические причины.

Параллельно марксистскому в политической науке развивалось еще несколько подходов к изучению массовых социальных революций.

Преобладающим стал институционалистский подход. Так, С. Хантингтон сформулировал определение массовой революции, в которое включал элиминацию прежних институтов и оснований для легитимности правящей власти, мобилизацию большого числа групп, ранее не вовлеченных в политический процесс, установление новых политических ориентиров, ценностей, способов легитимации, приход к власти динамичных элит и построение новых устойчивых политических институтов [Tiruneh 2014: 73].

В определении С. Хантингтона есть несколько параллелей с марксистской традицией. Тем не менее Хантингтон более детально выделяет характеристики революции, чем это было до него, и вводит в революционный процесс ценностный компонент. Также Хантингтон подчеркивает

важность изменения способа легитимации власти (для марксистов этот вопрос не стоял: угнетенный класс, совершив революцию, был сам источником своей классовой легитимности) с выделением из общего числа участников революции новой элиты как небольшой части общества.

Табл. 2.2.2. Некоторые из определений социальных революций

Источник	Определение
С. Хантингтон [Huntington 1968: 264]	Стремительные, кардинальные и насильственные внутренние изменения доминирующих ценностей и мифов общества, его политических институтов, социальной структуры, лидерства, управления и политики
Т. Скочпол [Skocpol 1979: 4]	Стремительные основополагающие трансформации положения и классовой структуры общества сопровождаются и отчасти осуществляются через классовые восстания снизу
С. Аржоман [Arjomand 1986: 383]	Разрушение политического порядка и замещение его новым
Т. Уикэм-Кроули [Wickham-Crowley 1991: 152]	Стремительные основополагающие трансформации положения и классовой структуры общества сопровождаются и отчасти осуществляются через массовые восстания снизу
Ж. Пейже [Paige 2003: 24]	Стремительные и кардинальные изменения в категориях социальной жизни и сознания, метафизических представлениях, лежащих в основе этих категорий, и отношениях власти, через которые они выражаются, как результат широкого и общепринятого представления об утопической альтернативе существующему социальному порядку

Источник: Tiruneh 2014: 5.

У Дж. Гудвина (J. Goodwin) революция – это уже не смена формаций или перестройка всей политической системы, а смена режима: «...революция влечет за собой не только массовую мобилизацию и режимные изменения, но также более-менее быстрые и фундаментальные социальные, экономические и/или культурные изменения сразу после борьбы за власть в государстве» [Goodwin 2001: 9]. То есть Дж. Гудвин дает уже более узкую и конкретную трактовку социальных революций, хотя и со снижением преобразовательного масштаба революционного процесса. Гудвин также говорит о массовой мобилизации как об отличительной черте революций, он добавляет важную характеристику во временной плоскости: революция – это быстрое изменение (то есть краткосрочное, направленное

прежде всего на изменение режима). При этом Гудвин подчеркивает и интенсивность революции, делая ее отличительной чертой фундаментальности. Смена культурных ценностей включена Дж. Гудвином как опциональный компонент.

Но самым рабочим для описания и характеристики революций, в том числе и тех, которые происходят в последнее время, является определение, данное Дж. Голдстоуном. Революция, по Голдстоуну, – это «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун 2006: 61]. Такое определение хорошо тем, что, во-первых, не говорит о революции как о безусловно успешном процессе с логическим завершением в виде фундаментальных изменений. Дж. Голдстоун определяет революцию как «попытку», то есть оставляет возможность для того, что революция не случилась в полном объеме и не прошла до завершающей фазы. Во-вторых, Голдстоун ставит само преобразование устройства в качестве основной цели революции, тем самым отсекая демонстрации и митинги и уменьшая объем концепта революции с повышением конкретности в его содержательности. И если марксистская школа исходила из экономического детерминизма во всем, в том числе и в причинах массовых революций, то Дж. Голдстоун оставляет революцию в поле политики, говоря, что именно «преобразование политических институтов» и способов легитимации движет людьми во время политических революций. Массовые акции, касающиеся экономической сферы, можно отнести к категориям бойкотов, стачек, забастовок, но политическая революция – это прежде всего переустройство политической сферы. Важным дополнением Голдстоуна является указание характера мобилизации масс – формальная или неформальная, а также уточнение, что действия, направленные на подрыв правящей власти, лежат вне рамок институционального устройства, что также отличает революцию от протестного голосования на выборах или демонстраций, которые конвенционально надо согласовывать с муниципальными властями, что ставит такие массовые акции в определенные рамки, выработанные правящей властью и удобные для нее. В данной работе определение, данное Дж. Голдстоуном, будет использоваться как основное для определения революции.

Помимо концептуализации теоретических понятий следует дать краткие пояснения по основным историко-политическим событиям, фигурирующим в данной работе.

Арабская весна – волна массовых демонстраций и государственных переворотов в ряде государств Арабского мира. Пик данных событий пришелся на 2011 г., хотя в некоторых государствах (Сирия, Йемен) рево-

люции не завершились окончательной развязкой, для других возникла угроза существования государства в прежних границах и прежнем политическом устройстве (Ливия, Ирак), а в большинстве прочих стран региона последствия ощутимы до сих пор. Именно события Арабской весны стали отправной точкой для установления начальной границы временных рамок для данного исследования, поскольку Арабская весна открыла новые грани революционно-протестных движений, дополнив существующие эмпирические материалы о революциях и сменах режимов.

Волнения в Иране в 2011 г. Были инициированы оппозицией с целью выражения недовольства президентом М. Ахмадинежадом и аятоллой Хаменеи.

Волнения в Турции. Начались в конце мая 2013 г. Пик пришелся на летние месяцы того же года. Изначально митингующие вышли на улицу, выступив против вырубки деревьев в парке Гези в Стамбуле. Это можно назвать триггером для последующих массовых выступлений, подтекст которых заключался в недовольстве граждан новым уклоном в сторону авторитаризма и большей исламизации внутренней жизни.

2.2.2. Основные потенциальные факторы дестабилизации и факторы устойчивости политических режимов в постсоветских государствах Центральной Азии

Сегодня политические исследователи, прежде всего компаративисты, обладают широким набором кейсов, охватывающих около двухсот государств в нынешнем временном срезе, и еще большим числом кейсов в исторической перспективе. Поэтому в политической науке накопился большой опыт по изучению революционно-протестных движений в частности. С учетом всего спектра различий между изученными кейсами можно предположить, что макросоциальные предпосылки для наступления революционно-протестных событий могут быть различными. Охватить каждый фактор, влияющий на стабильность и нестабильность тех или иных политических режимов, в данной работе крайне сложно ввиду нехватки исследовательских ресурсов. Поэтому существует необходимость ограничить круг рассматриваемых факторов и сфокусироваться на самых релевантных и значимых из них.

С. Хантингтон в своей работе «Третья волна. Демократизация в конце XX века» выделял пять моделей, объясняющих третью волну демократизации.

Первая модель – циклическая – исходит, по сути, из базового определения политической системы как динамической, изменяющейся и существующей в нескольких режимах за свой период существования. Поэтому

для такой модели естественным является чередование демократичных и авторитарных режимов в рамках одной системы. Такая модель не подходит для описания возможной череды смены режимов в Центральной Азии, поскольку в данном регионе не наблюдалось и не наблюдается частых режимных колебаний.

Другая модель – модель второй попытки – связывает демократизацию с очередной попыткой построить демократию там, где уже имелся не-большой и неудачный опыт демократии, но при этом во второй раз демократическое строительство пошло успешнее. Данная модель также не является рабочей версией для Центральной Азии, поскольку опыт стран региона связан с недемократическими режимами.

Третья модель, называемая моделью прерванной демократии, описывает ситуацию, когда в устоявшихся демократиях к власти приходили недемократические лидеры, но, следуя институционализированной процедуре организации выборов, неожиданно проигрывали, и демократические силы снова возвращали себе власть. Как уже отмечалось выше, государства Центральной Азии не имели полноценного демократического опыта, поэтому данная модель также не подходит.

Не годится здесь и модель деколонизации, поскольку сам С. Хантингтон отмечал, что такая модель характерна для британских колоний. Говорить о том, что СССР оставил государствам Центральной Азии какие-то демократические институты, было бы неверно, поскольку с советским набором институтов постсоветские режимы были более склонны к авторитарной форме, чем к демократической.

Наиболее подходящей выглядит модель прямого перехода, при котором стабильные авторитарные режимы сменяются стабильными демократиями в ходе постепенной эволюции или внезапной смены режима [Хантингтон 2003].

Ввиду того, что за четверть века в постсоветской Центральной Азии лишь одно государство – Кыргызстан – смогло выйти на демократическую траекторию развития (в результате двух революций), говорить о том, что в будущем переход к демократии возможен через эволюцию, сложно. Поэтому такое положение дел повышает риски революционной смены режимов.

Для третьей волны демократизации 1970-х и 1980-х гг. С. Хантингтон выделял пять основных факторов, ослабивших авторитарные режимы и способствовавших демократизации: 1) кризис легитимности авторитарных режимов на фоне военных неудач и падения цен на нефть; 2) экономические факторы: рост обеспечивал основы для демократии, кризисы дестабилизовали авторитарные власти; 3) роль католической церкви как противника коммунистической идеологии и проводника идей демократии;

4) международные факторы: расширение ЕС, приход США на Восток, ослабление СССР; 5) «снежный ком» – демонстрация удачной смены режима [Хантингтон 2003].

Итак, что касается кризиса легитимности как фактора дестабилизации авторитарных политических режимов (а для Кыргызстана – неустойчивой демократии), то, во-первых, после завершения гражданской войны в Таджикистане в 1997 г. в регионе больше не было крупномасштабных военных конфликтов, не считая ряда пограничных стычек и межэтнических столкновений. В связи с чем данный пункт не утрачивает своей актуальности для Центральной Азии. Во-вторых, экономические кризисы наиболее ощутимы только для одной страны в регионе – Казахстана, поскольку он обладает самым развитым банковским сектором и активной финансовой средой; интеграция экономики страны в глобальную экономическую систему высока, а углеводороды, подверженные значительным ценовым колебаниям, являются важной частью экспорта Казахстана [Ревякин 2009: 76–77]. Но благодаря накопленным за предыдущие годы ресурсам от сверхдоходов с экспорта углеводородов Казахстану удалось плавно пройти кризис, ставший отголоском мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. Уже для второй экономики региона – Узбекистана – кризис прошел менее ощутимо из-за слабой интегрированности страны в мировой рынок, единственной проблемой был спад цен на экспортную продукцию, но непродолжительность кризиса позволила преодолеть эту проблему без эксцессов [Каримов 2009]. Данные Всемирного банка по показателю валового национального дохода на душу населения показывают, что ни в одной из стран региона этот индикатор с 2005 г. не только не испытывал резких снижений, но постепенно рос [World Bank 2015].

Третий фактор, объясняющий роль католической церкви, является специфическим для европейских стран и бывших европейских колоний, которых коснулась третья волна демократизации. Для стран Центральной Азии в таком ключе можно рассмотреть роль ислама.

В Арабском мире исламисты в большинстве своем удалены от распределения мест во властных структурах. Авторитарные режимы С. Хусейна, М. Каддафи, Бен Али и другие не допускали исламистов к участию в политике. Авторитарные лидеры государств Центрально-Азиатского региона также опасаются роста радикального исламизма. Такие организации, как «Исламское движение Узбекистана», объединяющее несколько радикальных организаций, «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», движение «Джамаат Таблиг»^{*} и другие, законодательно запрещены во всех государ-

^{*} Перечисленные организации в РФ признаны террористическими, их деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

ствах региона. Единственной официально разрешенной исламистской силой, действующей в регионе, остается «Партия исламского возрождения Таджикистана», но и она находится под жестким контролем со стороны правящего режима Э. Рахмона.

Хотя исламисты не составляли большинства во время Арабской весны [Желтов В. В., Желтов М. В. 2012: 92–93], они были самой организованной и активной группой, участвовавшей в протестах, точно решая свои задачи, например, по привлечению большего числа сторонников и продвижению норм шариата в общественную жизнь [Там же: 95–96]. При этом исламистский фактор часто идет в одной связке с фактором внешнего влияния на внутренние политические процессы. В такой трактовке радикальные исламисты были лишь орудием по свержению авторитарных режимов в руках внешних сил [Крылов 2013].

Для Центральной Азии подобный сценарий менее вероятен, поскольку крупные международные игроки на этой арене – Китай, Россия и отчасти Индия – не заинтересованы в росте политической нестабильности непосредственно у своих границ, тем более в распространении радикального исламизма. Более того, если у государств Центральной Азии не хватает внутренних ресурсов по сдерживанию радикальных исламистов, то с этой целью созданы и работают такие организации, как ШОС и ОДКБ.

Также большую угрозу для стабильности представляет наркоторговля [Олкотт, Удалова-Зварт 2000]. Одной из основных причин распространения исламского радикализма и наркоторговли является близость к Афганистану, который находится в состоянии failed state (несостоявшегося государства) и не может обеспечивать порядок внутри своих границ, тем самым осложняя ситуацию во всем регионе [Акимбеков 1998]. Наркоторговцы заинтересованы в слабости государственных структур, обеспечивающих порядок, также они спонсируют вооружение исламских радикалов. Но, как и в случае с радикальными исламистами, региональные наднациональные структуры по обеспечению безопасности стабилизируют ситуацию.

Кроме исламистской угрозы и наркоторговли существует и другой внешний фактор – это передел экономических и геополитических сфер влияния. Так, США заинтересованы в доступе к ресурсам Центральной Азии, но в данном регионе также сильны Россия и Китай. Для того чтобы войти в регион, США могут использовать борьбу с международным терроризмом и экстремизмом для дислокации своих милитаризованных сил на территории региона [Лифань, Дин 2004]. Это создает потенциал для дестабилизации. Поскольку помимо борьбы с терроризмом США активно действуют на мировой арене как борец с геноцидом, распространением оружия массового поражения, выступают за соблюдение прав человека

и развитие демократических институтов во всем мире, опираясь на какой-либо из этих пунктов, Соединенные Штаты могут получить основания для вмешательства во внутренние дела какого-либо из государств региона (где соблюдение прав человека и развитость демократических институтов далеки от совершенства). Это может быть невооруженное и несиловое вмешательство, но оно станет направленным воздействием на суверенную политику. Например, Т. Тюдоруо пишет, что международная поддержка антирежимных выступлений играет ведущую роль в современных протестных движениях [Tudoroiu 2007: 329]. Г. Хейл также считает поддержку Запада ключевым фактором в режимных изменениях в ходе «цветных революций». В то же время он перечисляет лидеров государств Центральной Азии – стойких противников присутствия большого числа различного рода НКО и информационных агентств на территории государств региона [Hale 2006: 317–318]. О важности НКО и внешнего вмешательства в успехе протестов, нацеленных на демократизацию, говорят О. Бичейн, П. Донача и С. Абель [Beacháin *et al.* 2011]. Поэтому данный фактор может сыграть свою роль в Центральной Азии. При этом И. Кудряшова отмечает, что прямые усилия США и Европы по демократизации Арабского мира были малы в период Арабской весны, косвенно благодаря демонстрации достижений западного мира США смогли воздействовать прежде всего на молодежь, показав ей ценности и образ жизни, за которые может бороться Арабский мир [Кудряшова 2012: 159]. Также о большой роли внешнего воздействия говорит М. С. Доран, эксперт в сфере международных отношений на Ближнем Востоке, старший научный сотрудник американского Института Гудзона. Он считает борьбу за сферы влияния на Ближнем Востоке между ведущими государствами региона и внешними силами основным фактором дестабилизации ситуации внутри арабских государств. В своей статье «Наследники Насера. Кому выгодна вторая арабская революция?» он пишет, что Ближний Восток стал ареной борьбы между крупными силами, включая США, главной задачей которых является борьба с «Аль-Каидой», а не подрыв стабильности в государствах региона. Но сами процессы перманентного насилия разрушают государства с серьезными внутренними расколами (этнические и конфессиональные расколы в Ираке, например), а для внутренне гомогенных и стабильных стран (как Египет) это переходит во внешнюю агрессию (против Израиля, например), что усиливает напряженность во всем регионе и замыкает цепь насилия, делая ее самовоспроизводимой. Со временем в государствах, попавших под воздействие внешних конфликтов, могут начаться процессы внутренней дестабилизации [Dogan 2011].

Что касается пятого фактора – эффекта демонстрации удачной смены режима, то следует различать критерии успеха. Является ли успехом

свержение прежнего режима как конечный пункт революции, или же институциональное переустройство режима, отвечающее требованиям граждан? Если ограничиться только свержением прежнего режима, то Египет, Тунис и Ливия – успешные примеры революции. Но если рассматривать ситуацию в этих странах после революций, то успешность ставится под сомнение. Хотя в Тунисе ситуация выглядит лучше, чем в остальных странах, где произошли революционно-протестные события, но Египет переживает затянувшуюся политическую нестабильность, в Ливии идет гражданская война, грозящая распадом государства. Поэтому говорить о демонстрационном эффекте в средне- и долгосрочном периодах сложно. Этот эффект мог сработать в государствах Центральной Азии только в период пика Арабской весны. Но ввиду информационной изолированности ряда стран Центральной Азии и активной деятельности СМИ, лояльных правящим режимам, мобилизации граждан не произошло. Также важно отметить, что в случае усиления дестабилизации в одной из пяти стран Центрально-Азиатского региона скорость распространения информации среди однородных групп, готовых выступить против режима в каждой из стран, будет невысока и затруднена. Так, если Арабский мир охвачен сетью телеканалов «Аль-Джазира» и «Аль-Арабия», вещающих на одном общепонятном для всех арабских государств языке, то в Центральной Азии нет языкового единства, что ограничивает информационное поле для каждой из стран региона. Языковая фрагментация, оставшаяся в наследство от советской политики становления в регионе самостоятельных наций (а на деле разделения и разобщения с целью повышения контроля над каждой из групп), сегодня препятствует быстрому распространению информации. Единственными информационными каналами, которые доступны широкой аудитории во всех странах региона (в разной степени), являются русскоязычные источники. Но поскольку политика России и, как следствие, российских информационных служб не направлена на дестабилизацию ситуации в регионе, то и этот фактор нивелируется.

Итак, если следовать модели С. Хантингтона, то среди факторов, представляющих угрозу стабильности политических режимов в Центральной Азии, можно выделить три, которые в той или иной степени могли и могут повлиять на ситуацию в регионе. Это экономический фактор (в привязке к социальным последствиям), фактор религиозного раскола (умеренный ислам и радикальный) и фактор внешнего воздействия, который можно разделить на два элемента: первый связан с обеспечением безопасности, второй – с защитой от внешнего вмешательства во внутригосударственные дела. Чтобы дать полную характеристику устойчивости пяти режимов, каждый из которых имеет свою специфику, следует увели-

чить число факторов, влияющих на стабильность существующих центральноазиатских режимов.

Рассмотрим, какие еще факторы предлагают политические исследователи. Например, Т. Тюдоруо выделил пять факторов, влияющих на дестабилизацию: «1) несоблюдение прав человека авторитарным режимом; 2) развитие гражданского общества; 3) раскол в элитах (во главе оппозиции обычно стоит бывший “протеже” диктатора); 4) общественное недовольство вследствие бедности, социального неравенства и коррумпированности неэффективной власти; 5) делегитимация режима и лидера ввиду предыдущих факторов» [Tudoroiu 2007: 337].

И. В. Кудряшова выделяет следующие внутренние факторы: «1) разбалансированность политической, экономической и культурно-образовательной стратегий правящих режимов; 2) социальный конфликт, вызванный как сменой модели взаимоотношений граждан с государством в период экономической и политической либерализации, так и недостаточными компенсаторными механизмами (характерен для государств, лишенных значительных нефтяных доходов); 3) отсутствие/слабое развитие инфраструктуры разрешения кризисов (реальной политической конкуренции, структурированной оппозиции, выборов, представительных институтов); 4) значительный рост доли молодежи в демографической структуре (в результате всплеска рождаемости в 1985–1990-х гг. 63 % населения Ближнего Востока на 2008 г. были моложе 25 лет) и формирование нового образованного молодого поколения, социализированного в большой степени в условиях постматериальных ценностей; 5) усталость населения от правящих элит из-за отсутствия не только конкуренции, но и ротации; 6) оскудение идейных ресурсов “политических элит”» [Кудряшова 2012: 161].

Произведя социально-демографический анализ событий Арабской весны, коллектив авторов (А. В. Коротаев, А. С. Ходунов, А. Н. Буровая, С. Ю. Малков, Д. А. Халтурина, Ю. В. Зинькина) вывел следующие факторы, приведшие к массовым протестам: 1) высокая динамика урбанизации; 2) уровень безработицы при определенных темпах демографического роста и экономического развития; 3) динамика социальной группы, имеющей высшее образование [Коротаев и др. 2011].

Социально-демографические факторы можно отнести к универсальным, поскольку их роль заметна не только в Арабском мире, но и в европейских странах (Сербия, Украина и Грузия). О решающей роли молодежи в «цветных революциях» говорит Т. Кузио, поскольку молодежь – крайне уязвимая с социальной точки зрения группа, что делает ее подверженной пропагандистскому воздействию и повышает степень ее мобилизации и протестной активности [Kuzio 2006].

П. Д'Аньери считает, что выборы – это та точка, с которой может начаться дестабилизация политической системы. Но в то же время авторитарные лидеры нуждаются в псевдолегитимации и имитации демократии перед внешними наблюдателями (в основном перед западными странами). Поэтому выборы проводятся, но уровень конкуренции на них заранее снижается до минимального. Примером, когда высококонкурентные выборы мобилизовали граждан на протест, окончившийся свержением режима, являются выборы в Кыргызстане в 2005 г. Залогом стабильности в таких ситуациях является единство элит [D'Anieri 2006].

Помимо социодемографических и собственно политических факторов важнейшими являются и экономические, во многом определяющие и другие факторы. Представителем экономического детерминизма в изучении социальных протестов является Л. Л. Фитуни. Среди экономических причин Арабской весны он называл рост благосостояния граждан и формирование среднего класса, нехватку земель, пригодных для земледелия в условиях роста населения, безработицу, рост цен и обнищание населения [Фитуни 2012]. При этом Л. Л. Фитуни не исключал влияния молодежного фактора, фактора усиленной урбанизации и других, не связанных с экономикой.

При этом анализ антиправительственных выступлений в Ливане, одной из самых экономически развитых стран Арабского мира, проведенный Л. М. Исаевым и А. В. Коротаевым, показывает, что социально-экономические факторы нельзя гарантированно относить к числу определяющих [Исаев, Коротаев 2013].

Ряд исследователей и экспертов выделяют коррупцию как значимый фактор, способный вызвать общественное недовольство и стать одной из причин протеста против режима. Е. Т. Гайдар считал, что коррупция является частью закрытой экономики авторитарных государств и позволяет контролировать режим через распределение благ (через коррупционные каналы). Когда закрытая экономика начинает разрушаться, это порождает политическую нестабильность, поскольку прежние элиты теряют свой доступ к благам и собственности [Гайдар 2006]. Д. Скотт одним из первых в мировой политической науке провел связь между стабильностью авторитарного режима и характером коррупции [Скотт 2007]. К интересным результатам приходит Е. А. Лазарев, изучив связь коррумпированности власти и стабильности в государстве. В результате регрессионного анализа Лазарев выделил несколько групп государств с различным соотношением стабильности действующего правительства и уровнем восприятия коррупции в стране. Так, Казахстан и Туркмения вошли в группу стран, где коррупция является для режима альтернативой репрессиям. Коррупция – это покупка лояльности, но она гарантирует стабильность. По мнению исследователя, в Кыргызстане коррумпированность в сочетании с

клановым распределением каналов коррупции в 2010 г. стала причиной революционного переворота [Лазарев 2011].

Не стоит исключать из списка значимых фактор политической культуры. Г. Алмонд и С. Верба отмечали, что «будущая мировая политическая культура, похоже, будет определяться взрывом участия масс» [Алмонд, Верба 1992]. Но при этом формы данного участия остаются неясными. От характера политической культуры будет зависеть характер участия масс и, возможно, степень взрыва мобилизации граждан. Единственным минусом этого фактора является сложность его операционализации и получения четких индикаторов, что затрудняет его включение в математические модели.

Группа исследователей, состоящая из сотрудников американского Института комплексных систем Новой Англии М. Ладжи, К. Бертрана и Й. Бар-Яма, в своей работе «Продуктовые кризисы и политическая нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке» предполагает, что несмотря на возможное влияние целого множества факторов на политическую нестабильность в регионе с 2008 по 2011 г., определяющим фактором, на их взгляд, стали ценовые пики мировых цен на продукты питания. Исследование показало, что не только долгосрочные политические проблемы, но и текущие нужды граждан в провизии могут вызвать протестную активность. Если цены на продукты останутся высокими, считает исследовательский коллектив, то мир ждет новая волна социальных протестов [Lagi *et al.* 2011].

Данный фактор интересен для исследователя, но он не столь хорошо применим для Центральной Азии. Во-первых, климат в Северной Африке и на Ближнем Востоке в целом менее благоприятен, чем в Центральной Азии, поэтому в сфере самообеспечения продовольствием государства Центрально-Азиатского региона находятся в более выгодных условиях. Во-вторых, уровень урбанизации в таких странах, как Египет, Алжир и Ливия, крайне высок. В государствах Центральной Азии по-прежнему сохраняется высокая доля сельского населения. При этом часть городского населения не утратила связи с сельскими районами, что позволяет организовывать продуктовый обмен на низовых уровнях, поскольку сельское население способно обеспечить себя минимальным продуктовым набором, а горожане из беднейших слоев населения часто вынуждены голодать.

2.2.3. Эмпирический анализ потенциальной нестабильности в Центральной Азии

2.2.3.1. Отбор и формирование показателей

В результате обзора широкого набора потенциальных факторов дестабилизации политических режимов были установлены основные направления для операционализации конечных переменных. Это наличие внутренних

кливажей, «горючего материала» (маргинализированные социальные группы, например, безработная молодежь), характер политического строя и внешнее воздействие, а также наличие дополнительных триггеров (радикальные исламисты) или же сдерживающих факторов. Опциональными были выбраны коррумпированность режима, участие граждан в политическом процессе и наличие/отсутствие угроз безопасности и/или порядку.

С учетом того, что касательно первого блока факторов уже проводились исследования схожего рода [Малков и др. 2013; Korotayev *et al.* 2013; Исаев 2014], считаем верным использовать неоднократно проверенные переменные, если они будут релевантны для изучаемого региона.

Также из указанных работ были заимствованы шкалы оценки переменных, поскольку, проверенные на большем объеме эмпирики и составленные коллективно группой политических исследователей, эти шкалы будут точнее, чем составленные с использованием меньшей базы данных.

Внутренние расколы можно операционализировать через три раскола: межплеменной, межконфессиональный и внутриэлитный.

Казахстан. Российский эксперт Ю. Федоров так характеризует современное состояние внутри казахстанских элит: «Главным фактором политической стабильности на протяжении практически всего периода существования Казахстана как независимого государства был механизм личной власти Нурсултана Назарбаева, позволявший ему контролировать элиту и манипулировать различными бюрократическими кланами и финансово-промышленными конгломератами, возникшими в процессе слияния экономических групп и бюрократических клик» [Федоров 2013: 64]. В целом сильная личная власть Назарбаева сделала его семью и персональную клиентелу единственной значимой группой интересов в стране. Хотя даже внутри семьи у Н. Назарбаева был конфликт с его возможным преемником, мужем его дочери Дариги – Р. Алиевым, который бежал из страны, а в 2015 г. был найден мертвым в австрийской тюрьме. Что касается межплеменной раздробленности, то в Казахстане она имеет место быть, но выражена неярко, ввиду того что при Н. А. Назарбаеве большую роль приобрела личная преданность лидеру государства. В Казахстане трайбализм выражается в системе жузов. Жуз – это исторически сложившееся этнотерриториальное объединение, союзы племен, занимавших определенные земли. Всего существует три больших жуза: Старший, Средний и Младший. Жузы существовали в советский период и принимались во внимание партийным руководством при назначениях на должности. По результатам своего исследования Н. Амрекулов выявил, что Назарбаев (выходец из Старшего жуза) учитывает жузовый фактор при распределении позиций на высшем уровне власти, хотя и нарушил баланс сил (по сравнению с 1995 г., когда имелся сильный парламент, возглавля-

емый представителем Среднего жуза) [Амрекулов 2000]. При Назарбаеве все межжузовые конфликты были минимизированы и скрыты. Угроза конфликта возможна лишь с уходом действующего президента. Такая угроза остается, несмотря на попытки Назарбаева сгладить это размежевание, поскольку даже в период нескольких десятилетий советской власти жузы сохранили свою идентичность [Лукьянов 2013]. Межконфессиональные кливажи в Казахстане выражены незначительно. Угроза радикальных исламистов возникла сравнительно недавно, но она существует в небольших подпольных запрещенных организациях и не имеет возможности значительно влиять на стабильность внутри страны.

Узбекистан. В Узбекистане развито не столько трайбалистское деление, сколько землячества (их насчитывают от трех до семи), отдельный клан составляют силовые ведомства. Доминирующую роль играет самаркандский клан, во главе которого стоял президент И. Каримов [Рогожкина 2009; Кан 2006; Федоров 2013]. Самым серьезным конфликтом И. Каримова в борьбе за власть была конкуренция с М. Салихом, кандидатом на президентский пост и основателем партии «Эрк». Но Салих был вынужден бежать из страны в 1990-е гг. и сейчас активного участия в политике не принимает, хотя регулярно дает комментарии по ситуации в стране и критикует действующую власть. И. Каримов проводил жесткую политику в отношении исламистов. Их деятельность запрещена, а сторонники преследуются режимом [Пономарев 1999; Зураб 2005]. Межконфессиональная напряженность в стране невысока, хотя существует тренд на исламизацию государства, что приводит к конфликтам между узбеками-мусульманами и нетюркским населением (русскими, украинцами, немцами и корейцами, переселенными в Узбекистан в советское время).

Кыргызстан. В Кыргызстане существует понятие «кыргызчалык», что означает приверженность традиционным устоям. В число таковой входит и сохранение клановой структуры. Все киргизы делятся на две большие группы – «онг» и «сол», которые включают в себя около сорока племен и кланов. Их роль в политике крайне высока (пример свержения К. Бакиева это доказывает). Кроме того, существуют серьезные межэтнические размежевания: юг страны имеет значительное узбекское меньшинство, а сами киргизы составляют всего около 60 % населения страны, что является самым низким показателем для титульной нации в Центральной Азии. С юга идет усиление межконфессиональной напряженности, стимулируемое радикальными исламистами, тогда как на севере, особенно в столице, проживают разные представители различных конфессий и атеисты [Рогожкина 2009: 23–24; Галлиев 2010; Collins 2002].

Таджикистан. Межклановые размежевания дали о себе знать еще в начале 1990-х гг. и вылились в гражданскую войну, длившуюся пять лет.

В советский период доминировал северный – ленинабадский – клан, вторым был кулябский. В результате войны кулябский клан монополизировал власть. Затем президент страны Э. Рахмон начал убирать прежних соратников с руководящих позиций, заменяя клановую приверженность личной лояльностью. Но гармский и гиссинский кланы до сих пор оказывают давление на правящую элиту, претендуя на участие в управлении страной и распределении ресурсов. Кроме того, на территории существуют и этнические размежевания, как в Согдийской области, где узбеки являются значительным меньшинством (около 15 % населения), и сепаратистские настроения в Горно-Бадахшанской области [Рогожкина 2009: 24; Шарафиева 2012; Лукьянов 2013; Collins 2002].

Туркмения. В Туркмении племенная структура сохранилась до наших дней и носит устойчивый характер (всего существует несколько десятков племен). Более того, племенное деление играет важную роль в политическом процессе. Будучи минимизированным в советское время, после распада СССР при С. Ниязове, представители племени теке (или ахал-теке), племенная принадлежность стала снова значимой. Затем в Туркмении произошло то, что случилось и в других авторитарных персоналистских государствах региона – Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, – племенная преданность стала менее важна по сравнению с личной лояльностью. Преемник Ниязова Г. Бердымухамедов продолжил линию по укреплению личной лояльности элит к себе, но при этом кровнородственные связи по-прежнему играют в политике страны большую роль. Так, клан чарджоусцев значительно теснит ахалтекинцев в последние годы, повышая внутреннюю напряженность в стране. Я. Бердыев, лидер клана, не исключает своих претензий на президентский пост. Что касается семейных связей внутри правящего клана, то при Бердымухамедове поднялась его семья, в частности сестры Мяхри и Гульнабат и дочь Жахон владеют крупными бизнес-активами [Рогожкина 2009: 24; Лукьянов 2013; Филин, Зотин 2013].

Табл. 2.2.3. Шкала оценки потенциала конфликтности для показателя I_1

Масштаб конфликтного потенциала	Значение показателя (в баллах)
Конфликтный потенциал ниже среднего	1
Средний	2
Выше среднего	3
Высокий	4
Очень высокий	5

Таким образом, основываясь на вышеприведенных данных и при помощи Табл. 2.2.3, зададим оценки первого показателя.

Табл. 2.2.4. Оценка показателя общего потенциала конфликтности I_1

Страна	Казах-стан	Узбеки-стан	Кирги-зия	Таджи-кистан	Туркме-ния
Межплеменная неоднородность	2	3	5	5	5
Межконфессиональная неоднородность	1	2	2	3	1
Внутриэлитный конфликт	1	2	3	3	1
Значение показателя в баллах	1,5	2,5	3,5	3,75	2,5

Второй показатель – это наличие «горючего материала» – социальных групп, которые быстро мобилизуются на протесты против режима.

Ввиду того, что статистика по региону имеет серьезные искажения, по мнению ряда исследователей, занимавшихся данным вопросом, было решено использовать базы данных нескольких источников. Это прежде всего национальные подразделения, отвечающие за статистику на государственном уровне, данные Всемирного банка, сведения из базы данных ООН. В качестве дополнения использовались данные из Всемирной книги фактов ЦРУ. По всем индикаторам, которые необходимы для составления второго показателя, были собраны различные значения из описанных выше источников (где это было возможно). Затем были вычислены средние значения, которые использовались в работе. Также было проверено, насколько близки данные из различных баз. Оказалось, что коэффициент корреляции Пирсона для различных пар источников выше 0,99. А корреляция между данными национальных статистических агентств и средним по выборке из внешних источников (за исключением национальных статистических агентств) равна 0,999. Данные по странам (население) и значения коэффициентов корреляции отображены в Табл. 2.2.5. Данные по различным аспектам безработицы приведены в Табл. 2.2.6.

Табл. 2.2.5. Сводная таблица данных по численности населения

Страна	Нац. стат.	WB	UN	CIA	Ср. внеш.	Среднее
Казахстан	17439300	17040000	16271000	17948816	17086605	17262953
Узбекистан	29994600	30200000	28541000	28929716	29223572	29609086
Киргизия	5776600	5700000	5474000	5604212	5592737	5684669
Таджикистан	8354000	8200000	8009000	8051512	8086837	8220419
Туркмения	5181648	5200000	5173000	5171943	5181648	5181648

Табл. 2.2.6. Сводная таблица данных по безработице

Страна	Население	Безраб. молодежь	Доля	Взрослое население	Доля от взрослых
Казахстан	17262953	122900	0,007119	8981900	0,013683
Узбекистан	29609086	1457763	0,049234	20314423	0,07176
Киргизия	5684669	90300	0,015885	2496800	0,036166
Таджикистан	8220419	92600	0,011265	2097700	0,044144
Туркмения	5181648	140982	0,027208	2300000	0,061297

Табл. 2.2.7. Шкала потенциала конфликтности для показателя I_2

Значение показателя (в баллах)	слабое («1»)	среднее («2»)	выше среднего («3»)	высокое («4»)	очень высокое («5»)
Безработица среди молодежи (20–29), в % (оценки экспертов)	0–3	3–7	7–15	15–30	30–70
Доля безработной молодежи (20–29) в общем составе взрослого населения, в %	0–2	2–5	5–7	7–10	10–25
Доля безработных с высшим образованием среди молодежи	0–5	5–10	10–15	15–20	20–60

Табл. 2.2.8. Оценка показателя наличия «горючего материала» I_2

Страна	Казахстан (20–28 лет вкл.)	Узбекистан	Киргизия	Таджикистан	Туркмения
Безработица среди молодежи (20–29), в %	5,5	20,3 (67,5 с миграцией)	11,9 (64 с миграцией)	15,2 (95,72 с миграцией)	20,2
Доля безработной молодежи (20–29) в общем составе взрослого населения, в %	1,4	7,2 (21,1 с миграцией)	3,6 (46,45 с миграцией)	4,4 (75,03 с миграцией)	6,13
Доля безработных с высшим образованием среди молодежи, в %	24,7	10–15	12,1	5,3	5–10
Значение показателя в баллах	2,75	3,5 (4,5)	2,5 (4,5)	2,75 (4)	3

Политический строй можно определить двумя способами – формально-правовым и актуально-эмпирическим. Формально-правовой способ трактует политический строй прежде всего через конституционный дизайн. Учитывая объем поправок, носящих авторитарный характер с целью усиления власти действующих лидеров, назвать такие конституции и, следовательно, режимы демократичными (кроме Киргизии) нельзя. Но тем не менее такая оценка будет не строгой. Реальная практика, анализ электоральных процессов и обзор исследований по теме дают более точные оценки.

О том, какая связь была обнаружена между устойчивостью режима и политическим строем в Арабском мире, пишет И. В. Кудряшова. Она считает, что среди стран, которые были затронуты Арабской весной сильнее других, были «республиканские системы с неконкурентной политической сферой и не легализованными ранее исламистскими партиями (Тунис, Египет, Сирия); республиканские системы с конкуренцией политических и экономических центров (Ливия, Йемен); монархические системы с совпадающими секторальными (конфессиональными, социально-политическими и социально-экономическими) размежеваниями (Бахрейн)» [Кудряшова 2012: 161]. Также свою оценку дал коллектив авторов под руководством С. Ю. Малкова [Малков и др. 2013; Исаев, Шишкина 2012].

Что касается оценки демократичности – авторитарности режимов, то здесь можно воспользоваться проверенными и широко используемыми индексами Polity IV и показателями организации “Freedom House” [Freedom House 2015].

Табл. 2.2.9. Шкала оценки типа политического режима

Степень устойчивости по возрастанию	Политический строй
1	Консолидированные либеральные демократии/абсолютные монархии
2	Неконсолидированные либеральные демократии/переходные формы правления (от абсолютной монархии к конституционной)
3	Конституционные монархии
4	Автократии или авторитарные правления
5	Имитационные демократии

Табл. 2.2.10. Шкала оценки наличия инструментов передачи власти

Степень устойчивости (по возрастанию)	Наличие инструментов передачи власти
1	Отсутствие необходимости в инструментах передачи власти
2	Необходимость удержания власти в собственных руках в рамках конституционного срока
3	Необходимость удержания власти в собственных руках вне рамок конституционного срока
4	Необходимость передачи власти представителю своего клана/племени/партии
5	Необходимость передачи власти члену семьи

Табл. 2.2.11. Оценка типа политического режима

Страна	Казах-стан	Узбеки-стан	Кирги-зия	Таджи-кистан	Туркме-ния
Инструменты пере-дачи власти	2	2	1	1	1
Политический строй	4	4	2	4	4
Значение показателя в баллах	3	3	1,5	2,5	2,5

Как уже говорилось выше, радикальные исламисты, готовящие почву для дестабилизации обстановки в регионе, находятся под жестким контролем как внутренних, так и внешних сил.

Что касается крупномасштабных конфликтов в прошлом, то к такому можно отнести гражданскую войну в Таджикистане 1992–1997 гг. и две революции в Кыргызстане – в 2005 и в 2010 гг.

Табл. 2.2.12. Шкала оценки показателя «иммунитета» общества к внутренним конфликтам I_4

Степень иммунитета	Значение показателя в баллах
Почти абсолютный «иммунитет» (наличие крупномасштабного конфликта менее 10 лет назад)	0,1
Сильный «иммунитет» (наличие крупномасштабного конфликта 10–15 лет назад)	0,3
Средний «иммунитет» (наличие крупномасштабного конфликта 15–20 лет назад)	0,5
Слабый «иммунитет» (наличие крупномасштабного конфликта 20–25 лет назад)	0,8
«Иммунитет» отсутствует (наличие крупномасштабного конфликта более 25 лет назад)	1

Табл. 2.2.13. Шкала оценки показателя «иммунитета» общества к внутренним конфликтам I_4

Страна	Казах-стан	Узбеки-стан	Кирги-зия	Таджи-кистан	Турк-мения
Наличие крупномасштабного конфликта	1	1	0,1	0,8	1
Наличие в правовом поле исламистов	1	1	1	1	1
Значение показателя в баллах	1	1	0,55	0,9	0,5

Показатель I_5 – это внешнее влияние на внутривнутриполитические процессы. Подробно о роли внешних факторов было сказано в разделе 2.2.2 данного исследования. Итак, отсутствие внешних воздействий считалось за «1», при этом понятно, что быть абсолютно изолированными от внешних воздействий невозможно. Кроме того, внешние воздействия могут быть либо слабы, либо нивелированы защитной реакцией режима. Поэтому минимальные воздействия имеют место быть всегда. Для расчета данного показателя к «1» следует прибавить (или вычесть; в зависимости от направленности действия) доли согласно приведенной ниже шкале [Малков и др. 2013]:

- 0,1 – повсеместное искаженное информационное освещение;
- 0,2 – повсеместное искаженное информационное освещение, предполагаемое «внешнее» финансирование оппозиционных сил, призывы уйти в отставку;
- 0,3 – искаженное информационное освещение, данные о связях государственных акторов с оппозиционными партиями, давление в форме призывов уйти в отставку;
- 0,4 – информационная атака, очевидное финансирование сил оппозиции со стороны, давление в форме возможных санкций;
- 0,5 – все предыдущие пункты, а также военное вмешательство.

2.2.3.2. Построение индекса и моделей

В качестве метода проверки значимости рассматриваемых факторов используется регрессионный анализ. Выборка представляет собой панельные данные, охватывающие временной период 2000–2015 гг., благодаря чему удастся получить достаточное для проведения адекватного анализа количество наблюдений (40).

Изначально планировалось охватить весь период независимой государственности стран постсоветской Центральной Азии, но, учитывая гражданскую войну в Таджикистане (когда страна находилась на грани failed state и ее сложно было оценивать как устоявшийся целостный ре-

жим) и ряд институциональных трансформаций в других странах, было решено зафиксировать в качестве начального года наблюдений 2000-й, когда политическая ситуация во всех пяти государствах стабилизировалась. При этом гражданская война была бы еще одним показателем реально проявленной нестабильности, что позволило бы лучше откалибровать шкалу, но снизило точность других показателей, поскольку точность статистики в тот период являлась спорной.

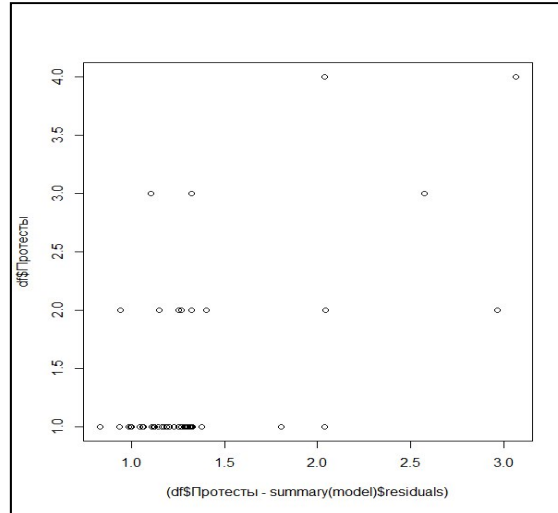

Рис. 2.2.1. Модель № 1

Изначально были построены модели. В первой из них учитываются следующие факторы: I_1 (межплеменная неоднородность, межконфессиональная неоднородность, внутриэлитный конфликт), I_2 (доля безработной молодежи среди общего состава населения и среди всей молодежи, а также среди молодежи с высшим образованием), I_3 (политический строй и инструменты передачи власти), I_4 (наличие крупномасштабных конфликтов в прошлом и наличие исламистов в правовом поле) и I_5 (влияние извне на внутриполитические процессы).

Вторая модель в качестве предикторов учитывает также такие переменные, как (кроме уже названных пяти): I_6 – индекс восприятия коррупции (CPI Transparency International), I_7 – степень восприятия того, насколько широки возможности граждан участвовать в избрании властей, а также показатель свободы совести, слова, собраний и т. д. (Voice and Accountability WGI); I_8 – вероятность политической нестабильности или политически мотивированного насилия, включая терроризм (Political Sta-

bility and Absence of Violence/TerrorismWGI). Дополнительные переменные были выбраны из набора опциональных переменных для усиления модели. Для них также были построены шкалы для перевода показателей индексов в ранги (от 1 до 5).

Третья модель является нелинейной и рассматривает мультипликативный эффект ($I_1^{b1} * I_2^{b2} * I_3^{b3} * I_4^{b4} * I_5^{b5} = IUNST$).

Табл. 2.2.14. Модели регрессионного анализа (***) означает значимость 0.01, ** значимость 0.05 и * значимость 0.1)

Предиктор	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
Константа	-2.32**	-3.28**	1.35***	-3.28*
I_1	0.21	0.49***	-1.99	0.49**
I_2	-0.2	-0.22	-1.16	-0.22
I_3	-0.02	0.17	10.44*	0.17
I_4	-0.08	-0.46	0.11	-0.46
I_5	3.71**	3.16**	16.91*	3.16
I_6		-0.25	-17.53	-0.25
I_7		0.61**	6.51	0.61*
I_8		-0.32***	0.60	-0.32**
R-squared	0.241	0.34	0.57	0.34
n	80	80	80	80

Согласно полученным результатам (см. Табл. 2.2.14), вторая модель оказалась лучше первой, поскольку представила существенный прирост объясненной вариации и добавленные в ней предикторы, согласно LR-тесту, значимые на уровне доверия 90 %. В пользу второй модели также свидетельствовали результаты информационного критерия AIC. Мультипликативная модель дала неадекватно высокие оценки для показателей I_5 и I_6 . Несмотря на высокий коэффициент детерминации, ее вряд ли можно считать успешной, скорее всего, его высокое значение является следствием случайно произошедшей удачной подгонки, вероятной в условиях малого числа наблюдений. Стоит отметить, что оценки мультипликативной модели выглядели более реалистичными в случае отсутствия константы, однако в таком случае модель по коэффициенту детерминации и значимости коэффициентов практически полностью повторяла вторую, впрочем, имея перед ней то преимущество, что ее можно применять к любым данным без необходимости предполагать наличие некоего начального значения, неизменного эффекта (без константы).

Таким образом, наиболее адекватной оказалась вторая модель, однако она по-прежнему обладает рядом существенных недостатков. Во-первых, наблюдается проблема гетероскедастичности остатков, что несколько

осложняет оценку коэффициентов данной модели. Впрочем, гетероскедастичность оказалась слабой и является значимой, согласно тесту Бреуша – Пагана, лишь на уровне доверия 85 %.

Для борьбы с этой проблемой была построена четвертая модель, базирующаяся на ковариационной матрице, устойчивой к гетероскедастичности, порождаемой, очевидно, панельной структурой данных. В результате пересчета значимости коэффициентов фактор I_5 оказался незначимым, однако p-value составил 0.12, тем самым предоставляя право отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии статистической значимости на уровне доверия, близком к 90 %. Уменьшилась значимость и у остальных предикторов, однако в целом их p-value остались в пределах 0.1, тем самым не давая статистических оснований усомниться в значимости соответствующих коэффициентов.

Ко второму недостатку модели можно отнести отсутствие нормальности в распределении остатков, подтверждаемой тестами Колмогорова и Шапиро – Уилка, а также формой гистограммы (см. Рис. 2.2.2).

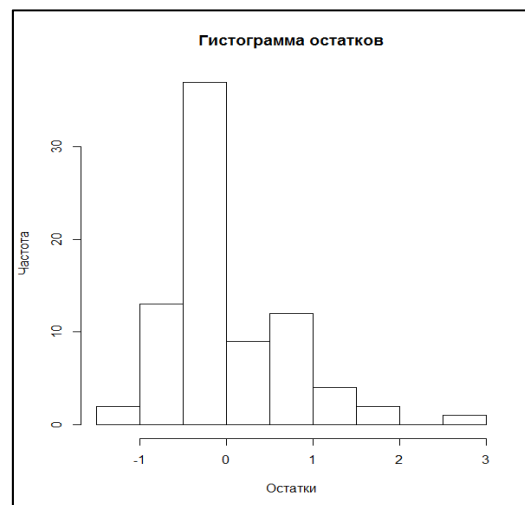

Рис. 2.2.2. Гистограмма остатков

Однако это обстоятельство смягчается тем фактом, что в модели отсутствует эндогенность: ни один из предикторов не коррелирован с остатками. Следовательно, полученные в модели оценки хоть и неэффективны, но не смещены и состоятельны, в связи с чем являются довольно качественными. Еще одним важным преимуществом является низкая мульти-

коллинеарность, коэффициент вздутия дисперсии ни для одного из предикторов не превысил трех.

В свете вышесказанного можно отметить, что значимыми предикторами протестной активности являются I_1 , I_7 и I_8 , а также, менее вероятно, I_5 .

Итак, данные анализа показали, что межплеменные, межконфессиональные и внутриэлитные конфликты с высокой значимостью определяют нестабильность политических режимов государств Центральной Азии. Чем выше конфликтный потенциал, прежде всего племен и кланов, тем выше нестабильность для режимов. То же касается единства или конфликтности элит. Это подтверждается экспертными данными исследователей, изучающих Центрально-Азиатский регион.

Также высокую значимость имеет показатель I_8 (восприятие возможности насилия). Стоит отметить, что он работает с отрицательным знаком. То есть направленность обратная. Это интерпретируется так: чем выше угрозы безопасности и риски терроризма, тем меньше протестная нестабильность. Выходит гоббсовская трактовка. Ощущая угрозы безопасности, народ предпочитает сильное государство.

Меньшую, но все же высокую значимость имеют показатели внешне-го воздействия I_5 и показатель вовлеченности граждан в политический процесс.

С I_5 все достаточно ясно. Чем больше вмешательство внешних сил, тем больше нестабильности в режиме. Хотя для Арабской весны этот показатель не был столь значимым, для Центральной Азии он может сыграть одну из решающих ролей.

I_7 дает интересный результат. Чем выше в регионе свобода граждан и чем выше его роль в политике, тем больше вероятность наступления нестабильности. Похожую посылку выдвигал Д'Аньери. Поэтому жесткие авторитарные режимы в регионе минимизируют участие граждан в политике и ограничивают политические свободы населения. Если же широкие социальные массы получают возможность участвовать в политике и влиять на ее ход, то события могут пойти по варианту Киргизии 2005 и 2010 гг.

Табл. 2.2.15. Сводная таблица значений показателей I_1 , I_2 , I_3 , I_4 , I_5 и индекса потенциальной нестабильности для государств Центральной Азии и стран Арабского мира

Страна	I_1	I_2	I_3	I_4	I_5	IUNST
1	2	3	4	5	6	7
Казахстан	1,5	2,75	3	1	1,1	9,32
Узбекистан	2,5	3,5	3	1	1,1	17,79
Киргизия	3,5	2,5	1,5	0,55	1,3	7,99
Таджикистан	3,75	2,75	2,5	0,9	1,5	21,37

Окончание Табл. 2.2.15

1	2	3	4	5	6	7
Туркмения	2,5	3	2,5	0,5	1	8,38
Тунис	3,75	5	4	1	1,1	37,61
Египет	3,5	5	5	1	1,2	50,43
Ливия	4,25	4	4,5	1	1,5	54,72
Йемен	5	4	5	0,3	0,7	15,2
Сирия	2,75	3	4	1	1,4	29,05
Бахрейн	4,75	4,5	2	1	0,7	17,8
Алжир	2,75	4	4	0,1	1,1	6,55
Марокко	3,75	3	2	0,5	1,1	11,88
Ирак	3,5	5	2	0,1	1,1	5,5
Иордания	3	3	2	1	1,1	15,06
Саудовская Аравия	2,5	3	1	1	0,9	5,62
Оман	1,75	2	2	1	0,9	4,58
Мавритания	2,25	4	3	0,5	1	10,89
Ливан	3	3,5	1,5	0,1	1,1	3,66
Судан	3,25	2,5	4	0,3	1	8,23

Заключение

Результаты исследования показывают, что согласно индексу потенциальной нестабильности ни одна из стран Центрально-Азиатского региона не обладала высоким потенциалом конфликтогенности (в сравнении с арабскими странами, охваченными Арабской весной). Тем не менее в ряде стран некоторые проблемы доходят до максимально острой фазы. Для Таджикистана, Узбекистана и Киргизии это высокий уровень безработицы, в особенности среди молодежи. Для Туркмении и Таджикистана это непройденный этап формирования единой нации и высокая трайбалистская фрагментация. В последнее время перед всеми странами региона встает проблема радикального исламизма. Перед Казахстаном и Узбекистаном стоят проблемы передачи власти возрастными лидерами, тогда как Киргизия смогла запустить демократические процедуры выборов (в результате двух революций за пять лет).

Но большинство факторов, способных запустить конфликт, были в значительной степени нивелированы. Например, трайбализм в Казахстане и Узбекистане ослаблен в периоды правления авторитарных лидеров. В Таджикистане и Туркмении этот вопрос решился доминированием одного клана над всеми остальными. Проблема «горючего материала» снизилась благодаря эмиграции молодежи и безработных за границу (прежде всего в Россию). По этой причине в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане одновременно не концентрируется весь протестный потенциал маргинализованных групп. Исламисты как сторонники любой эскалации

напряженности в регионе и дестабилизации ситуации преследуются, и их действия блокированы.

Общие выводы можно представить так:

1) Политические режимы государств Центральной Азии сохранили устойчивость в период внешнеполитической нестабильности в соседних регионах и сохраняют ее на данный момент.

2) Политические режимы государств Центральной Азии сохранили устойчивость благодаря тому, что в этих государствах не был пройден порог концентрации «горючего материала» – совокупности социальных маргинализованных групп – по причине высокого уровня эмиграции.

3) Политические режимы государств Центральной Азии смогли сохранить устойчивость, потому что, несмотря на наличие старых межэтнических, межконфессиональных и клановых расколов в элите и обществе, лидерам государств удалось сохранить единство, прежде всего элитных групп.

4) Политические режимы государств Центральной Азии сохранили устойчивость благодаря тому, что текущий (на 2011 г.) режим являлся и является органичным для каждого из государств и успел закрепиться на своей траектории существования, будь то более демократичный режим в Киргизии (который явился плодом развития «снизу» через череду революционных процессов) или же умеренный авторитаризм в Казахстане.

5) Политические режимы государств Центральной Азии смогли сохранить устойчивость, потому что минимизировали воздействие внешних сил на внутренние политические процессы в периоды глобальной нестабильности.

6) Политические режимы государств Центральной Азии сохранили устойчивость благодаря тому, что существующие на 2011 г. политические режимы могли гарантировать бóльшую безопасность и применяли меньшее насилие в отношении населения, чем это могло быть, если бы государства утратили монополии на легитимное насилие на своей территории.

Литература

- Аверьянов Ю. И. (Ред.). 1993.** *Политология: энциклопедический словарь*. М.: Изд-во Московского коммерч. ун-та.
- Акимубеков С. М. 1998.** *Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии*. Алматы: КИСИ.
- Алмонд Г., Верба С. 1992.** Гражданская культура и стабильность демократии. *Полис* 4: 32–43.
- Амрекулов Н. 2000.** Жузы в социально-политической жизни Казахстана. *Центральная Азия и Кавказ* 9. URL: <http://www.ca-c.org/journal/cac-09-2000/16.Amrek.shtml>.

- Вятр Е. 1991.** Типология политических режимов. В: Вятр Е., *Лекции по политологии*. Т. 1. Таллин.
- Гайдар Е. Т. 2006.** Авторитарные режимы: причины нестабильности. *Общественные науки и современность* 5: 50–62.
- Галлиев А. 2010.** Факторы кризисов в Кыргызстане: борьба регионов, кланов и политиков. *Центральная Азия и Кавказ* 13(3): 171–177.
- Голдстоун Д. 2006.** К теории революции четвертого поколения. *Логос* 5: 58–103.
- Дюверже М. 2000.** *Политические партии*. М.: Академический Проект.
- Желтов В. В., Желтов М. В. 2012.** Религия и арабская весна. *Вестник КемГУ* 2: 91–97.
- Зураб Т. 2005.** Радикальный ислам в Узбекистане: этапы становления и перспективы развития. *Центральная Азия и Кавказ* 1(37): 41–48.
- Ильин М. В. 1993.** Ритмы и масштабы перемен. О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии. *Полис* 3: 57–60.
- Исаев Л. М. 2014.** *Политический кризис в арабских странах: опыт оценки и типологизации*. М.: Институт Африки РАН.
- Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2013.** Ливан: рай на вулкане. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны* / Ред. А. В. Коротаев, Л. С. Исаев, А. Р. Шишкина, с. 187–213. М.: Ленанд.
- Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2012.** *Сирия и Йемен: неоконченные революции*. М.: ЛИБРОКОМ.
- Кан П. К. 2006.** «Элиты» России, Казахстана, Узбекистана. Сравнение и оценка. *Социологические исследования* 1: 147–152.
- Каримов Д. 2009.** Узбекистан в условиях глобального финансово-экономического кризиса. *Центральная Азия и Кавказ* 6(66): 106–114.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Божевольнов Ю. В., Зинькина Ю. В., Кобзева С. В. 2011.** К прогнозированию рисков политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков, с. 357–379. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.
- Крылов А. В. 2013.** Роль религиозного фактора в «арабской весне». *Вестник МГИМО Университета* 4(31): 43–51.
- Кудряшова И. В. 2012.** Режимные трансформации на современном Арабском Востоке. *Политическая наука* 3: 149–167.
- Лазарев Е. А. 2011.** Коррупция и политическая стабильность: институциональная перспектива. *Полития* 1: 50–68.
- Лифань Л., Дин Ш. 2004.** Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии. *Центральная Азия и Кавказ (Лулео, Швеция)* 3: 161–169.
- Лукьянов Г. В. 2013.** Угрозы дестабилизации политической системы современного Таджикистана. *Экономический журнал Высшей школы экономики* 17(1): 41–74.

- Малков С. Ю., Коротаев А. В., Исаев Л. М., Кузьминова Е. В. 2013.** О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности: опыт количественного анализа событий Арабской весны. *Полис* 4(4): 137–162.
- Мельвиль А. Ю. 2004.** О траекториях посткоммунистических трансформаций. *Полис* 2: 64–75.
- Нисневич Ю. А. 2006.** Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»* 1: 6–27.
- Олкотт М. Б., Удалова-Зварт Н. 2000.** *Наркотрафик на Великом шелковом пути: безопасность в Центральной Азии*. М.: Моск. Центр Карнеги.
- Петров В. К. 2005.** *Устойчивость государства*. М.: Экономика.
- Пономарев В. 1999.** *Ислам Каримов против «Хизбут-Тахрир»*. М.: Правозащитный центр «Мемориал», Информационный центр по правам человека в Центральной Азии.
- Ревякин С. 2009.** Мировой экономический кризис и его влияние на социально-экономическую ситуацию в Казахстане. *Центральная Азия и Кавказ* 6(66): 73–91.
- Рогожкина К. А. 2009.** Роль патрон-клиентных отношений в формировании политических элит государств Центральной Азии. *Власть* 11: 22–25.
- Скотт Д. 2007.** Анализ коррупции в развивающихся странах. *Борьба с ветряными мельницами. Социально-антропологический подход к исследованию коррупции* / Сост. И. Олимпиева, О. Панченков, с. 17–55. СПб.: Алетейя.
- Федоров Ю. 2013.** Казахстан: в предчувствии нестабильности. *Индекс безопасности* 3(106): 63–78.
- Филин Н. А., Зотин А. Н. 2013.** Экспертное исследование устойчивости политического режима Туркменистана. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Центральная Азия: новые вызовы* / Ред. Б. А. Акаева, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, с. 401–409. М.: ЛЕНАНД.
- Фитунн Л. Л. 2012.** Экономические причины и последствия «Арабской Весны». *Проблемы современной экономики* 3: 90–97.
- Хантингтон С. 2003.** *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН.
- Шарафиева О. Х. 2012.** Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана. *Вестник Томского гос. ун-та* 359: 98–100.
- Шульц Э. Э. 2014.** Типология революций: история создания и современное состояние. *Человек. Сообщество. Управление* 1: 65–83.
- Arjomand S. A. 1986.** Iran's Islamic Revolution in Comparative Perspective. *World Politics* 38: 383–414.
- Beacháin Ó., Donnacha P., Abel S. 2011.** The Colour Revolution Virus and Authoritarian Antidotes: Political Protest and Regime Counter Attacks in Post-Communist Spaces. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* 19(3): 111–132.
- Collins K. 2002.** Clans, Pacts, and Politics in Central Asia. *Journal of Democracy* 13(3): 137–152.

- D'Anieri P. 2006.** Explaining the Success and Failure of Post-Communist Revolutions. *Communist and Post-Communist Studies* 39(3): 331–350.
- Doran M. S. 2011.** Heirs of Nasser: Who Will Benefit from the Second Arab Revolution. *Foreign Affairs* 90: 17–26.
- Freedom House. 2015.** *Freedom in the World 2015*. URL: https://freedomhouse.org/report/freedom-world/freedom-world-2015#.WNoH1W_yjcs.
- Goodwin J. 2001.** *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945–1991*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hale H. E. 2006.** Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions as Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. *Communist and Post-Communist Studies* 39(3): 305–329.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Central European Journal for International and Security Studies* 7(4): 28–58.
- Kuzio T. 2006.** Civil Society, Youth and Societal Mobilization in Democratic Revolutions. *Communist and Post-Communist Studies* 39(3): 365–386.
- Lagi M., Bertrand K. Z., Bar-Yam Y. 2011.** *The Food Crises and Political Instability in North Africa and the Middle East*. Available at SSRN 1910031.
- Macridis R. C. 1986.** *Modern Political Regimes: Patterns and Institutions*. Illinois: Scott Foresman.
- Quermonne J.-L. 1986.** *Les Regimes Politiques Occidentaux*. Paris.
- O'Donnell G., Schmitter Ph. 1986.** Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. *Transitions from Authoritarian Rule Prospects for Democracy* / Ed. by O'Donnell et al. Part 4, pp. 1–78. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Paige J. M. 2003.** Finding Revolutionary in the Revolution: Social Science Concepts and the Future of Revolution. *The Future of Revolutions* / Ed. by J. Foran, pp. 19–29. New York, NY: Zed Books.
- Remmer K. L. 1996.** The Sustainability of Political Democracy Lessons from South America. *Comparative Political Studies* 29(6): 611–634.
- Skaaning S. E. 2006.** *Political Regimes and Their Changes: a Conceptual Framework*. Stanford: CDDRL Working Papers; Freeman Spogli Institute for International Studies, Stanford University.
- Skocpol T. 1979.** *States and Social Revolutions*. New York, NY: Cambridge University Press.
- Tiruneh G. 2014.** Social Revolutions: Their Causes, Patterns, and Phases. *SAGE Open* 4(3): 2–12.
- Tudoroiu T. 2007.** Rose, Orange, and Tulip: the Failed Post-Soviet Revolutions. *Communist and Post-Communist Studies* 40(3): 315–342.
- Wickham-Crowley T. P. 1991.** *Exploring Revolution*. Armonk, NY: M.E. Sharpe.

World Bank. 2015. *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank, Electronic version. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/>.

World Bank. 2016. *World Bank in Central Asia (Developing Only)*. URL: <http://data.worldbank.org/region/ECA>.

World Factbook. 2016. *Central Asia*. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/wfbExt/region_cas.html.

Приложение 2.2.1

Табл. 2.2.16. Сводная таблица значений показателей I_1 , I_2 , I_3 , I_4 , I_5 , индекса актуально проявленной резистентности к социально-политической дестабилизации и индекса потенциальной нестабильности, ранжированная по значению индекса потенциальной нестабильности

Страна	I_1	I_2	I_3	I_4	I_5	IUNST	IRES
Ливия	4,25	4	4,5	1	1,5	54,72	1
Египет	3,5	5	5	1	1,2	50,43	1
Тунис	3,75	5	4	1	1,1	37,61	1
Сирия	2,75	3	4	1	1,4	29,05	2
Таджикистан	3,75	2,75	2,5	0,9	1,5	21,37	
Бахрейн	4,75	4,5	2	1	0,7	17,8	2
Узбекистан	2,5	3,5	3	1	1,1	17,79	
Йемен	5	4	5	0,3	0,7	15,2	2
Иордания	3	3	2	1	1,1	15,06	3
Марокко	3,75	3	2	0,5	1,1	11,88	3
Мавритания	2,25	4	3	0,5	1	10,89	5
Казахстан	1,5	2,75	3	1	1,1	9,32	
Туркмения	2,5	3	2,5	0,5	1	8,38	0
Судан	3,25	2,5	4	0,3	1	8,23	6
Кыргызстан	3,5	2,5	1,5	0,55	1,3	7,99	
Алжир	2,75	4	4	0,1	1,1	6,55	4
Саудовская Аравия	2,5	3	1	1	0,9	5,62	6
Ирак	3,5	5	2	0,1	1,1	5,5	6
Оман	1,75	2	2	1	0,9	4,58	5
Ливан	3	3,5	1,5	0,1	1,1	3,66	4